

ВОРОНЕЖСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

литературный номер

Учредители: ФГБОУ ВО «ВГУ»,
Профсоюзная организация
Воронежского государственного
университета, ППО студентов
ВГУ Общероссийского
Профсоюза образования.
Газета зарегистрирована
Центрально-Черноземным
региональным управлением
регистрации и контроля за
соблюдением законодательства
РФ о СМИ 11.05.1999
Рег. № В 1794.

Распространяется бесплатно

Главный редактор:
П. А. Пономарёв

Фото:
С. А. Чеченев

Дизайн и вёрстка:
Ю. А. Устьянцева

На обложке:
магистрантка 2-го курса
медицинско-биологического факультета
Анна Белоконь

Авторская позиция не всегда
может совпадать с точкой зрения
редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

4–5	Екатерина Стрельникова
ЖЕСТ СОЗВУЧИЙ
6–8	Алексей Астафьев
СО СЛОВОМ СПЛЕТАЕТСЯ СЛОВО
9–11	Оксана Лесовик
ЛЕТО НЕИЗБЕЖНО
12–15	Екатерина Стрельникова
Я ПОМНЮ ПАЛЬЦЫ НЕБОСВОДА
16–20	Владимир Тулупов
ПО ПРОСОХШИМ ТРОПИНКАМ ПАМЯТИ
21–23	Дмитрий Чугунов
ТВОЁ ВДОХНОВЕНЬЕ –
КАК ЛУЧШАЯ ИЗ МОЛИТВ
24–26	Илья Новокщенов
РЕБЁНОК ПРОХОДНЫХ ДВОРОВ
27–29	Софья Сафонова
АНАСТАСИЯ
30–34	Екатерина Сирота
ГОРОД, КОТОРЫЙ ПАХНЕТ ЯБЛОКАМИ
35–40	Владимир Тулупов
ПИСЬМО К СОСЕДУ
41–43	Юрий Роменский
МОСКВА, КРЕМЛЬ, К. У. ЧЕРНЕНКО...
(ОРЕШКИ ДЛЯ ГЕНСЕКА)

Этот номер «Воронежского университета» – литературный. В нём собраны стихи и проза преподавателей и студентов ВГУ. Не всех, конечно – далеко не всех. И опыт подготовки такого номера у нас – первый. Поэтому после его прочтения может создаться впечатление экспериментальности. Это так – первый блин, как известно, часто бывает комом. Но за ним будет второй – мы очень надеемся, что будет. Ведь выпуск литературного номера «ВУ» можно сделать доброй летней традицией. Когда закрыта сессия и студенты разъезжаются на каникулы, а преподаватели уходят в отпуск, университет засыпает. Аудитории и коридоры пустеют, движение останавливается, замирает само время. Это – время отдыха. Время упорядочивания мыслей и подведения итогов учебного года. И тогда наступает момент, когда можно взять в руки книгу, журнал или нашу газету – и начать читать хорошую литературу. Мы очень надеемся, что собранное под обложкой этого номера так назвать можно – «хорошая литература». Может быть, это чтение подтолкнёт вас к тому, чтобы вступить в диалог, в перекличку с нашими авторами – и написать уже собственное, своё. Обязательно покажите это нам – есть большая вероятность, что ровно через год, следующим летом, под обложкой литературного номера «ВУ» будут уже ваше имя, ваши стихи, ваши рассказы... А пока – приятного вам чтения!

Редакция «ВУ»

ЖЕСТ СОЗВУЧИЙ

Нечасто в печати встретишь номер, который совершенно самостоятельно и потому – подчёркнуто естественно сложился в общее художественное высказывание. Подобно тексту, который сам говорит за своего создателя, раскрытые перед нами страницы собственной волей обрели единый голос, а перечень авторских имён сформировался в целостность, которая приятно удивляет и очень радует. Очевидно, что Воронежский госуниверситет в лице студентов и преподавателей объединил под своим крылом особыю поэтику.

С научной точки зрения я бы сравнила феномен этого номера с жанром коллективной монографии: отдельная мысль каждого автора, убедительно функционирующая как завершённое творческое высказывание, оказывается на поверку включённой в контекст общего художественного замысла. Существенная разница заключается в том, что «замысел» коллективной монографии всегда известен заранее и «предопределяет» отбор материала; здесь же мы являемся свидетелями события, овеществившего, как представляется, саму суть и сакральную непостижимость художественного.

В чём эта непостижимость? Мир, литература, культура, слова – отдельное пространство, к смыслам которого художник незримо «добывает» доступ, где-то подчиняя, где-то идя на поводу; в любом случае, оно, это пространство, эта могущественная сверхсила, многократно творящая себя, но в то же время творимая эпохой, велика и самостоятельна в превосходстве над человеком, а потому может самовольно «проступать» в срезе художественных поисков разных авторов, видимо непохожих в своих подходах и различающихся формально.

Мы, читатели «Воронежского университета», говорим сейчас именно с этой художественной силой. Портрет и голос её тем более удивителен, что вопреки всему утверждает принципиальное господство тепла и света.

Предложенные поэтами культурные, социальные и исторические контексты (**Владимир Тулупов, Дмитрий Чугунов, Алексей Астафьев**) обогащены специфически личностными оттенками их восприятий и оценок. Внимательность к пространству прошлого с сопутствующими идиллическими интонациями – это симптом тоски по нему, ощущения немоты уходящего: «город мой показался беззвучным» (В. Тулупов). Но тоска эта подчёркнуто светла: хотя в прошлое «нет возврата» и вряд ли можно в него «уехать», но «происошедшие тропинки памяти» (В. Тулупов) остаются прочерчивать пространственные координаты, придавая

каркасу жизненного фундамента необходимую структурную жёсткость.

Будущее говорить умеет – будущим уже говорит настоящее, но «в безнадёжную даль» оно нас «не зовёт» (Д. Чугунов). Фантазийно-сказочное культурное пространство (*«Ханс Кристиан / С днём рождения»*) часто зыбко (*«разрывая из ваты составленный сон»*), однако способно обеспечить точку личностного соизмерения и отсчёта: *«Только весна только вечер / А день в бесконечных качелях / К небу взлетает без крыльев / Дыхание легче чем крылья»* (Д. Чугунов).

Во всех подборках особенно чувствуется внимательность к разным уровням категории инаковости: *«Есть просто день иногородний, / А смерти нет»* (Д. Чугунов) (курсив мой. – Е. С.). Эта инаковость парадоксальным образом преодолевает и смерть, и общую усталость (*«Усталое молодое солнце / от глаз исступлённых скроем»* (А. Астафьев)), что созвучно общим

представлениям об искусстве как о способе преодоления любых существующих границ. Искусство преодолевает и замкнутость самоидентификации, позволяя говорить от лица своего лирического героя: *«Я трава, и маятник, и сверчок»* (Д. Чугунов). Мировая усталость – отголосок всё той же тоски по прошлому, его ошибкам и его невозвратности: ещё волхвы когда-то *«усталым вечером»* *«запоздали»*, и теперь современному человеку остаётся только искать «немного пространства и света», учиться одинаково – стойкости, смиреннию и умиранию, за которым уже новая жизнь будет *«благовестовать о Воскресении / в наши усталые сухие глаза»* (А. Астафьев).

Одно из наиболее частотных движений, которые совершает мир и вокруг лирических героев подборок, и вокруг героев представленной на страницах номера прозы, – это качание в разных его проявлениях. Маятниковость и одновременно волнообразность этого движения показательна: она свидетельствует о неустойчивости сущего, в котором современному художнику приходится искать опорность своих положений – или отказываться от них, как поступает герой **Ильи Новокщенова**: *«В сердце был вечный прилив»*. *«Рассказ-прогулка»* по самой формулировке своего жанра отправляет читателя, скорее, в паломнические внутренние поиски главного героя, где «романтика ужасно цепляет романтику», движущегося «на качелях вверх и вниз». Когда «хочется... Всего!», а ещё предощущается, что «лето скоро, и все будут любить!», то жизнь «захватывается» чем-то, действительно «не смыкаясь», потому что окончательность

и определённость здесь будут более губительны, чем принципиальный «проходной» простор.

Такая же «незавершённость» – разговор о времени и безвременье – встречает нас в finale рассказа **Екатерины Сироты**: героиня видит сны о городе, «который пахнет яблоками», только никак не может «вспомнить тот адрес, куда же надо вернуться». «Безвременний» характер идиллического пространства прошлого делает его принципиально жизнеспособным: оно может быть недоступным, но оно не ушло бесследно. Взор в него доступен человеку, который умеет «в этой минуте навсегда оставаться». Это умеют делать и герои **Юрия Роменского** и Владимира Тулупова, которые говорят о «прошедшем», помещая его в пространство «настоящего» разговора. Пространство и время (хронотоп), таким образом, лишены статичности; ситуация «возвращения домой» (В. Тулупов) помещена в сновидение, как и у Е. Сироты, т. е. уже подчёркнуто ирреальна, а ещё сопровождена ощущением-видом «стремительно приближающейся волны», растворяющейся в мороке сна в том числе из-за оконного сквозняка – уже реального.

Но пока герой В. Тулупова вспоминает о работе в редакции «Светлого пути» (курсив мой. – Е. С.), над Большой Дворянской светило и светит солнце, всё время «обещают жару», а летний зной начинает припекать. Эти детали обращают нас к разговору о принципиальных совпадениях всех текстов, представленных в номере: они все летние, зелёные, согревающие.

Но летнее – сложнее и многограннее, чем может показаться: у лета то ли нет запаха (как самого сильного катализатора, который помещает нас в пространство памяти), то ли его запах не есть собственно летний, а является чем-то иным: может быть, ароматом «цветов, свежих фруктов и ягод», а может – запахом «леса и асфальта после дождя» или даже влажности «в воздухе перед грозой» (**Софья Сафонова**). Таким образом, летнее пространство по сути своей мозаично – даже на уровне этой детали. А значит, таковой же «мозаичностью» (вместе с летним запахом) обладает и наша память. Эта «мозаичность», в свою очередь, более жизнеспособна: она гибка, избирательна, не подвержена ломкости человеческих отчуждений и разочарований – она обеспечивает «возвращение к жизни», которую и означает имя, вынесенное в заглавие рассказа С. Сафоновой.

Принципиально «мозаична» поэтика **Оксаны Лесовик**. Пятна – одна из сквозных деталей подборки; они «высвечивают» нужные вещи из тёмного окружающего пространства, помогая преодолевать его поглощающую липкость – или двигаться к этому преодолению,

как стремящаяся выбраться наверх (а значит – к пятнышку света) рыба-рыба из подборки **Екатерины Стрельниковой**. Пятнышки света у О. Лесовик – организующая основа самой структуры мира («двор глядит многоквартирно», «жёлтые глазки ромашек», «огоньки каштановых свечей»), и избирательность взгляда лирической героини позволяет ей внутри подборки осуществить движение от состояния испуганности («и я пугалась темноты») до способности продуктивно взглянуться («смогли бы увидеть, / что видится рыбे?»). Эта способность обеспечивает светлый пафос подборки и помогает достичь уровня хотя бы минимального контроля над миром: качающееся пространство на поверхку – это движения рук самой лирической героини, которая качает темноту почти так же, как «мальвы нежно / качают заспанных шмелей».

Такого контроля лишена лирическая героиня Е. Стрельниковой, а топкость поэтического пространства подборки окружена уже и горизонтной ломкостью, и самостоятельностью речных дыханий, но на поверхку – памятлива, «нарядна» в «тоске простой» и тиха в «поворотах откровений». Хотя за «щёботом летним» и придут «серповые морозы», это остаётся в пределах общего, закономерного и обеспечивающего вечность порядка жизни: пока речь человека уносит ковыльным морем, остаётся небосвод, образ которого вынесен в заглавие подборки, и приволокшее к нему «грустные глазки» живое существо (не важно, какое), самоценность жизни которого – априори и неизмеримо высока.

И об этой ценности, и о коренной попытке обеспечить неразрывность прошлого, настоящего и будущего, и о способности видеть в общем (каким бы оно ни было) единично-красивое, уникально-прекрасное, и о торжестве жизни над смертью в любых её проявлениях как раз и говорит с нами пространство культуры и литературы, наделяя художественное слово (слово как таковое) автономным правом и умением творить и жить. Самостоятельно сложившаяся общность произведений этого номера (от тематических оснований до детальных пересечений) – одновременно жест добродой воли со стороны могущества художественного пространства и жест принципиальных созвучий, пока, возможно, не осмысленных рационально, но уже призывающих к ним прислушаться.

В этом – тепло, добро и надежда.

Екатерина СТРЕЛЬНИКОВА

СО СЛОВОМ СПЛЕТАЕТСЯ СЛОВО

Астафьев Алексей Юрьевич

Родился в Воронеже в 1987 году.

Кандидат юридических наук. Доцент кафедры уголовного процесса юридического факультета ВГУ. Стихи публиковались в газете «Мысли(!)».

* * *

Попробуем отстоять нашу Трою,
продлить эту краткую вечность.
Усталое молодое солнце
от глаз исступлённых скроем.
Пока свята наша горечь
и не истлело сердце,
пока нерождённые звезды
творят наш путь безоглядный,
усталое молодое солнце
несём, как янтарь в ладонях,
в густой темноте застывшей,
в уединённости ночи.
Не всё одолимо явью,
не всё измеримо болью...
Расплетены сомненья
на ветер и терпкие травы...
В густой темноте застывшей,
где будущность неразличима,
со словом сплетается слово
в образ нерукотворный

Post scriptum

Так задувают свечу
и, губами припав к плечу,
преодолев темноты запрет,
зыбкие различают черты.
Так оставляют след.
Так вплетаются лентами в сны,
памятью озарены,
встречи:
в ускользающей музике вечер
усталый,
смятенье листвы
тополей...
Так приносят волхвы,
запоздалые,
золото, ладан, елей.

* * *

Из тишины,
из белизны слепящей,
Вы прозвучите джазовым аккордом.
Рассеянно скользяще
музыка,
как утро зимнее,
прольётся в комнату.

Вы воплотитесь
с лёгкой осторожностью,
с лукавой строгостью
и бережливой нежностью,
преодолев все мнимости и ложности,
став несомненностью
и неизбежностью.

* * *

Взгляни на это дерево,
Дотронься, дотянись до тёплой кроны его, нагретой солнцем,
до мягких листьев.
Помолчи рядом с ним. Дерево не отвергнет.
Напротив, будет учить молчанию и покою.
Воистину, тебе есть чему поучиться:
от глубины корней до высоты ветвей
дерево больше тебя, носящего отчаянье в рюкзаке за плечами.
Дерево – мудрей.
Птицы отдыхают на его руках, иные вьют гнёзда.
Дерево распахнуто всем, кто ищет приюта, дома,
и его покидающих, в срок уходящих – не проклинает.
Дерево сотворяет прохладу, тень, наконец, воздух,
которым дышишь.
Немного пространства и света – вот, собственно, всё, что ему нужно.
Дерево учит стойкости и смирению, когда оно замирает, заиндевев,
отягощённое снегом.
А когда в дерево ударяет молния,
и после оно стоит обугленное,
дерево учит нас умиранию...
...До той поры, пока молодые побеги внезапно и вопреки
не прорастают из древесного тела,
чтоб благовестовать о Воскресении
в наши усталые сухие глаза.

ЛЕТО НЕИЗБЕЖНО

Лесовик Оксана Андреевна

Родилась в 1995 году. В 2013 году окончила Воронежский юридический техникум, в 2016 году – юридический факультет ВГУ и факультет романо-германской филологии ВГУ (квалификация «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» по направлению «Юриспруденция»).

В 2018 году окончила заочную магистратуру юридического факультета ВГУ. В 2020 году поступила в аспирантуру юридического факультета ВГУ на кафедру конституционного и муниципального права (заочная форма обучения).

В 2016–2019 годах – главный специалист Железнодорожного районного суда Воронежа.

С 2019 года – старший лаборант, уполномоченный по качеству кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета ВГУ.

Лауреат Всероссийского конкурса молодых поэтов на приз имени Бориса Богаткова (2022, Новосибирск), победитель открытого городского конкурса поэтического искусства «...И пробуждается поэзия во мне» в рамках проекта «#Пушкин223» (2022, Воронеж), лауреат V международной поэтической премии «Фонарь-2023» (Волгоград). Автор семи сборников стихов: «Читай про/себя» (2011), «Робкая из коробки» (2011), «К(л)убок мыслей» (2012), «Разговор по ушам» (2014), «Вой-на-родов» (2015), «Идееспособность» (2022), «СамоМнение» (2022).

* * *

Приближение лета

Склонялась лампою к столу,
Глядела в комнату понуро,
И с рук счищала как смолу
Ночь из-под шторного велюра.
Задела старый абажур.
Он закачался, пятна света
Вплетали темноту в ажур,
Хватая скрытые предметы:
То стол, то стул, то платяной,
То первоцветы в пол-литровой
Желтели в сумраке со мной,
Пугаясь темноты дворовой.
И я пугалась темноты,
И я её рукой качала,
И я хотела теплоты,
И я её не получала.

В городе рассыпан чистотел
Между белых звёздочек спиреи.
Свет как будто кажется острее –
Он в ворсинках пуха побелел.
Скоро пух сорвётся, полетит
И волной окатит берег правый –
Тополиный, бойкий, златоглавый,
Выброшенный холм, горбатый кит.
Лето состоит из мелочей,
Разлетаясь пухом и стрижками,
Задувает, май опережая,
Огоньки каштановых свечей.
Я ночами чувствую его
За листвой темнеюще-лиловой,
Где-то в звёздах, между лап еловых –
Лето, я и больше ничего.

Отражение

Я смотрюсь в него. Он мне понятен,
Он мне близок, до боли знаком.
В отраженье бензиновых пятен,
В ярко-синих цветах под окном,
В пестроте палисадников. В речке.
В фонарях, в тротуарных рубцах.
Признаю его в каждой засечке
На трухлявых сутулых зубцах.
Многоликий и многоголосый,
Фрикативный, бурлящий, родной,
Узнаваемый в метаморфозах,
Он меняется вместе со мной.
Этот город, качающий сосны,
Корабли и меня, как дитя.
Я смотрюсь в него полусерьёзно,
Ну а он в меня – полуслутя.

Городской двор

Мой двор глядит многоквартирно,
С присущей городу тоской,
Как тополя по стойке смиро
Врезают воздух городской.
Подъездно-розово, панельно,
Смывая горечь суety,
Беспрецедентно, беспредельно,
Как волны плещутся цветы.
Дома скалисты и прибрежны,
Но как в объятиях полей,
У их подножья мальвы нежно
Качают заспанных шмелей.

Ромашки

Окна нараспашку,
Нараспашку душу...
Во дворе ромашки
Утром обнаружу.
Лето неизбежно.
Скромны и близки
В рюшах белоснежных
Жёлтые глазки.
Пусть глядят на солнце
И ласкают глаз.
Пусть их не коснётся
Плен стеклянных ваз.
Ведь растут ромашки,
Хоть и не видны,
Где-то под рубашкой
С левой стороны.

Сорожка

Причудливой брошкой
На зелени твида
Лежала сорожка
В траве у корыта.
Она неподвижно
Смотрела на север,
Сквозь птицу и вишню,
Сквозь реку и клевер.
Казалось, что радужка
Жёлтым топазом
Мир ската до пятнышка
Мёртвого глаза.
Какое ей дело
До снега? Вовеки
Она не глядела
На прочие реки.
Сверкает как сталь
На зелёной лужайке.
И смотрится вдалль
Широко, без утайки,
И видит снега,
Что не видела сроду,
Не те берега
И холодную воду.
А были бы мы бы
Той брошкой на твиде,
Смогли бы увидеть,
Что видится рыбе?

Я ПОМНЮ ПАЛЬЦЫ НЕБОСВОДА

Стрельникова Екатерина Сергеевна

Родилась в 1995 году в посёлке городского типа Анна Воронежской области.

Кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры русской литературы XX и XXI веков,
теории литературы и гуманитарных наук,
заместитель декана филологического факультета по довузовской работе.
Литературовед, поэт, литературный критик.

Лауреат воронежской Исаевской премии для молодых литераторов (2023).

* * *

Не дерева ветвь, упругая нить борозд, –
Тропа горизонта ломкая, как хворост.
Ровнейшая грань, отделяющая сейчас
От ласточек и от коршунных острых глаз.

Над полем глаза повисли до нижних век,
Едва наморгавших крысу, а человек
В красной толстовке, вышитой синевой,
Встав посерёдке, крикнул: и я с тобой!

Ляг на крыло, как камень в макушку бей,
Чтобы из глаз посыпался соловей
И растрезвонил черепа тихий бом
Всевездесущно-обушным топором.

Ветreno, и любую уносит речь
Морем – ковыльно-щёкотно перетечь
В пух одуванный, семечко, и осот
Зубками тонкими красный закат сосёт.

Ласточки плещут лужные облака,
Всё заливает тоннами молока,
Будто корова – небо, и к ней телок
Грустные глазки, мукая, приволок.

* * *

паутинкой живёт в колодце
рытом узко на двадцать сажен
бель-белό ключевое солнце
в тёмном плене блестящей сажи

там рождается рыбо-рыба
серебристо и ртутьно-рото
упирается прямо в глыбу
толстых стен ожидает взлёта

упирается плавниками
держит хвост напряжённый угол
держит лбом шевелит боками
поднимая себя упруго

ей хватает длины диаметр
покорить и ползти неловко
в высоту где белёсо замер
не паук но его верёвка

не висеть не прядать из мела
но скользить разевая хромость
рта немого и падать телом
вечно в воду и невесомость

* * *

Я помню пальцы небосвода –
Нарочно длинные – и их
Пластины мягкого обвода
Ногтей глазасто-голубых.

Такое небо – голубое.
Таким же цветом синева
Торчит, шумя и беспокоя,
Из золотого рукава.

И тянет, тянет каплю пальца,
Иссиня-плоский ноготь-лёд
С неловким видом постояльца,
За ночь дающего расчёт.

Хватайся ртом и как младенец
Держи беззубым нёбом неб
Десятикратность, шорох мельниц,
Колосья, сыплющие хлеб.

Воробьиные кофты надеты на праздничный лад,
Бирюза с колоколен лежит у ноги моей.
Это плещется небо в старинный Каретный ряд,
Растекается в лужах спичками кораблей.

Под пришибленной пылью асфальта большой водой
Размножаются сгустки травы, осторожный мох.
Соловьи не боятся меня и текут за мной,
И поджавшие хвост собаки бредут у ног.

В наших общих глазах – замедление, груз пустот,
Упливание в нижнее небо, нырок в края.
Эта улица вся – вертикаль, и с больших высот
Вместе с ней очень тихо и плавно ступаю я.

Одурманенный веткой сирени зелёный глаз
Затопляет в себе невозможное: красный зной,
Розоватые башни сердца, что каждый час
По-кремлёвски обозначают своей стрелой.

* * *

университетские пыльные окна
разбавляют бетон коридоров
вереницу шагов волокна
протекающих стоя споров

и петляет и ходит корпус
по кругам и по кругу эллипс
означает могучий топос
внутрь которого не взглянулись

пятиструнностью переборов
умолчанием столкновений
голоса проникают в горло
с поворотами откровений

* * *

Километры больших расстояний
Искусали, и эту свирепость
Я меняю на плен созерцаний,
Возвращаюсь в красивую крепость.

У стены её кто-нибудь ляжет –
Безымянный,
прекрасный,
всесильный.
Он под землю уходит и машет
Не ладонью, а костью тыльной.

А в земле, очернённо-горькой,
Замурованно-холостой,
Не зевнуть – задыхаться только
От нарядной тоски простой.

Оставаться осколком лужи
У стены – у груди – моей,
Что беспомощно жив – и нужен
Среди кубиков площадей.

* * *

По этой тропе убегают травинки
Большой многоножкой, плитающей в пыли,
И запахом тайной предутренней кринки
Туман красит волосы в старые были.

Река крепко спит, из себя выдыхая
Согретые тонны воды, – и дымится,
И неумолимо в себя поглощает
Всё новые, новые, новые лица.

Они здесь не спят, а идут – всё под воду,
Под ноги подрубленных ивок преклонных.
Дорога одна. Ни моста и ни брода:
Не жить и не бродствовать в царствах затонных.

А если и бродство – то в шаге последнем:
Пекущее солнце встаёт абрикосом.
Не вспахано поле. За щёботом летним
Берутся за ночь серповые морозы.

ПО ПРОСОХШИМ ТРОПИНКАМ ПАМЯТИ

Тулупов Владимир Васильевич

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой связей с общественностью, рекламы и дизайна ВГУ.
Декан факультета журналистики ВГУ.

Главный редактор научно-практического альманаха «Акценты.
Новое в массовой коммуникации» и научного журнала
«Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика».

Член Союза журналистов России.
Член Союза писателей России.

Родился в Уфе. Окончил филологический факультет Башкирского
госуниверситета, аспирантуру Воронежского госуниверситета.

В прессе – с 1972 года (корреспондент, ответственный
секретарь, редактор ряда уфимских и воронежских газет),
в вузе – с 1979 года (ассистент, старший преподаватель, доцент,
профессор). В 1990 году переехал с семьёй в Воронеж,
где по конкурсу занял должность заведующего кафедрой
теории и практики журналистики факультета журналистики ВГУ.
Затем – заведование кафедрой средств массовой коммуникации
и рекламы; кафедрой связей с общественностью,
рекламы и дизайна.

С 1994 года – декан факультета журналистики ВГУ.
Под руководством профессора Тулупова защищены около
сорока диссертаций на соискание степени
кандидата филологических наук и пять диссертаций
на соискание степени доктора филологических наук.
Почётный работник высшего профессионального
образования РФ (2012), Заслуженный работник медиаотрасли
Воронежской области (2019).
Автор нескольких поэтических сборников и книг публицистики.

* * *

Кучугуры, Кучугуры,
Кучевые облака...
Не скupяся, баба Шура
Нацедила молока,
И внимательно смотрела,
Грустно голову склоня,
И как будто бы жалела
Эта бабушка меня:
«В городе таком огромном
Парень сызмальства живёт,
Но одет уж больно скромно –
Видно, взяток не берёт...»
И вздыхала, провожая,
Говорила, что сама
Город тот не уважает,
Хоть и в нем живёт кума:
«Фулюганов, бедокуров
Расплодилось, просто страсть!..» –
Очень рада баба Шура,
Что в деревне родилась.

Я вернулся в свой город...

Я вернулся в свой город, но он не знаком...
Он не хуже – значительно лучше,
но повеяло вдруг на меня холодком –
город мой показался беззвучным...
Город мой, город мой, почему ты немой?
Почему мы друг другу не рады?
Может быть, потому, что ты стал дорогой:
украшают тебя эстакады
и гиганты-дома, и билборды реклам,
и авто на шикарных развязках?
Поделён ты во мне навсегда пополам:
Старый – Новый, в неоновых красках.
Ты сегодня, увы, не со мной говоришь
и иные ведёшь диалоги,
ты всё больше похож на Берлин иль Париж –
вид вполне европейский, по моде.
Но я так не хочу отдавать, отпускать
тот – из памяти: тихий, нескладный.
Ты позволишь тебе иногда вспоминать
деревянным и низеньким, ладно?..

«Шербурские зонтики»

В центре города Воронежа, рядом с площадью вождя временем треклятым нонешним и под струями дождя мужичок сидит на ящичке – капюшон, в руках баян, из-под плаща рубашечка, выбрит и совсем не пьян... Слышу «Шербурские зонтики» – чисто, грамотно ведёт. А народ в осенних ботиках озабоченный бредёт, а вокруг киоски шумные – городская суeta, люди глупые и умные – кто с зонтом, кто без зонта... Огибают музыканта, молча с сумками бегут – на народного таланта нету слушателей тут... И летит мотив французский от витрины «Утюжка» в городе типично русском и для русского ушка. Так, возможно, в сорок пятом – в двадцать с малым поседел, инвалид,войной помятый, здесь с гармошечкой сидел. Может быть, «Землянку» пел он иль про хату и врагов – в двадцать с малым поседелый, к жизни мирной не готов... Может, батька баяниста, что на ящичке сидит, или даже дед артиста – с жёлтой карточки глядит... Сколько песен прозвучало, время выдало итог, но не мнилось, не гадалось: будет времечко не то... Филармония направо, а налево – Опера... Как-то грустно, братцы, право, за такие номера...

На веранде

За столом семья сидела:
папа, мама, сёстры...
Тёплый разговор, без дела –
мы общались просто.
Самовар блестел под лампой,
осы мёд вкушали,
мама – словно перед рампой,
в разноцветной шали...
За окном наш сад вечерний:
яблони-ранетки,
у ворот мой сторож верный –
Шарик-однолетка.
Дождь уютно дополнял
тихую беседу...
Я во сне себе сказал:
«В прошлое уеду...»
Но поэт ведь неспроста
написал когда-то,
что нам в старые места
нет, увы, возврата...

* * *

По просохшим тропинкам памяти
я пойду прямиком в Вербохлест
и увижу там грядочки мамины...
У забора доска внахлест...
Посижу на крыльце высоком
под невидимых птиц шумок,
распустившейся вербы локон
теребя... От костра дымок –
поднимается ввысь зелёный –
мокрых веток лишь слышен всхлип –
между яблонь стволов белёных
под колодезной ручки скрип...

* * *

Напиши мне письмо про вчерашний и завтрашний день,
напиши мне письмо, чтобы оно между книжек хранилось,
напиши мне письмо – пусть там будет и солнце, и тень,
напиши мне письмо, чтобы бедное сердце забилось...
Напиши мне письмо, я отвечу стихами тотчас,
напиши мне письмо – пусть оно неожиданным будет,
напиши мне письмо, чтобы пришло в неулыбчивый час,
напиши мне письмо – вмиг всё тёмное память забудет.

* * *

Инкрустация жизни – мозаика:
удивительный смальтовый сон...
Но тяжёлой строкою прозаика
свои новости вновь шлёт Харон:
вот ещё один кубик порушен,
вот ещё одна плитка отбита,
вот ещё один ключик осущен,
и очаг в чьём-то доме потушен –
разрушается твердь монолита...
Затираются яркие краски,
выстригаются кадрики плёнки –
остаются посмертные маски
да геном как наследство ребёнка...

ТВОЁ ВДОХНОВЕНЬЕ – КАК ЛУЧШАЯ ИЗ МОЛИТВ

Чугунов Дмитрий Александрович

Родился в 1971 году в Воронеже.

Окончил филологический факультет
и факультет романо-германской филологии
Воронежского государственного университета.

Доктор филологических наук.

Профессор кафедры истории и типологии русской
и зарубежной литературы филологического факультета ВГУ.

Член Союза писателей России.

Стихи и рассказы публиковались в российских и зарубежных
журналах. Автор нескольких книг.

* * *

* * *

Электричка гудела чуть зло и тревожно,
Разрывая из ваты составленный сон,
Уходила навеки с чужой подорожной
Просто – юность моя, и в последний вагон

Я готов был запрыгнуть, бежать по перрону
Так, как в фильмах герои куда-то бегут,
Но стучали колёса, и плыли вагоны
В безнадёжную даль – нас туда не зовут.

И я плакал во сне и не мог пробудиться.
Так лети же, лети, но уже без меня,
Легокрылое время, наивная птица,
Может быть, пару слов обо мне сохраня.

Ты сможешь научиться глубине?
Не сразу, но хотя бы на миг, вполне
Хватило бы для маленькой любви,
А я найду гадания свои –
О солнечном просторе в шесть утра,
О той стране, где Пятая гора,
А над горою небо глубиной
Не в километры, а в исход земной.
И небом переполниться – пустяк.
Из красных маков степь. Резной овраг.
И ты меж небом и землёй стоишь,
И глубоко вдыхаешь, и летишь.

* * *

* * *

Одуванчик у дороги,
Лёгкий пух,
Выбирай: колёса, ноги...
Что из двух?..
А высоко за спиною
Майский гром,
Мы возьмём его с собою?
Не возьмём.
Лёгкий дождь с цветущих вишен
Уж прошёл,
Белым был, совсем неслышным.
Хорошо.
И нужды спешить куда-то
Вовсе нет,
Мужичок идёт поддатый,
Он поэт,
Он бормочет, в лица глядя,
Лучший стих:
Возлюби же, Христа ради,
Всех других.
С ним раскланявшись, неспешно
Прохожу,
Я ли, он – одно потешны,
Так скажу.
А на небе за спиною
Майский гром,
Много вёсен мы с тобою
Проживём.

Открывая окно и гадая на завтрашний шторм,
Ты, отшельник на этих холмах, вдруг почувствуешь море.
Совершенно иначе, чем чайка, что ищет свой корм,
И иначе, чем рыба и камень на дне. В разговоре
С неведомым нет своего языка
Ни у рыбы в морской глубине, ни у чайки над буной,
Ни у камня, а ты, до последнего вдоха, глотка,
До последнего шага ты ищешь в неведомом руны:
В безмятежности лавра, в сухой виноградной лозе,
В порыжелой земле, сохранившей тепло прошлой ночи,
В гибких спинах дельфинов, мелькнувших на дальней косе,
Что-то плещет волною, и ветром шумит, и рокочет
Для тебя, чьи глаза ненасытны и разум пытлив,
Ты желаешь прочесть и деревья, и волны, и скалы,
И твоё вдохновенье – как лучшая из молитв,
Отражение чуда великого в горсточке малой.

* * *

Это был день просто день в начале апреля
Тёплое небо взлетело и вдруг превратилось в верлибр
Кошки уже никуда не спешили
Странных расцветок пущистые и не очень
Терпкие волны листвы превращаемой в дым
Полуподвальные окна дома-невелички
На подоконниках всюду красивые пёстрые
Красные с жёлтым и светло-молочным
Что ж всё равно не припомню названья
Были прекрасны зимой под заснеженно-белым
Только весна только вечер
А день в бесконечных качелях
К небу взлетает без крыльев
Дыхание легче чем крылья
Это день сказок день солнечных бабочек пыли
В солнечном свете всего лишь скрипач промелькнуло
Сорванной нотой как звали его
Импровизатор
Йенни уже не поёт
Соловьям нужен август
И что-то
Большее нежели солнце и вечер и ветер
Это начало апреля
Загадка
Затишие
Бескрайность
Времени твоего
Ханс Кристиан
С днём рождения

* * *

Сирень по нашим переулкам
Как сладкий мёд,
И мы с тобою на прогулке
Который год...
Всё так же радостно и крепко –
В руке рука,
Всё так же спрятаны под кепкой
Мои векá,
И я делюсь с тобою в радость
Который год
Своими планами на старость:
Когда придёт –
Мы станем так же, как сегодня,
Встречать рассвет,
Есть просто день иногородний,
А смерти нет,
Ну а пока беспечным тоном
Я говорю
О незнакомом и знакомом
И весь искрою,
Когда со мною по столетьям,
Как по холмам,
Шагаешь ты, и все соцветья –
К твоим ногам,
И все аллеи, и пролески
В тени дерев,
И паровозик детский, дерзкий,
Что нараспев
Со всех сторон свистком сзывает
К себе народ,
И, кажется, я что-то знаю...
Так, наперёд...
Как просто всё: сирень бушует,
А мы идём,
Мы проживаем жизнь большую –
И проживём!

* * *

У меня под крышей живёт сверчок.
У меня на лацкане старый значок.
А в саду гуляют чужие коты.
У деревьев листва, у книг листы.
Аксиома: травы растут в тиши.
Теорема: маятник не спешит
Ни в одну из двух равнодушных сторон.
Вероятно, жизнь – не судьба, а сон.
Мимолётный шорох на полке книг.
Невесомый ветер – взлетел и стих.
Узнавая пальцами профиль твой,
Выбираю волю, затем покой.
Разгляди же завтра, услыши щелчок:
Я трава, и маятник, и сверчок.

РЕБЁНОК ПРОХОДНЫХ ДВОРОВ

Рассказ-прогулка

Новокщенов Илья Аркадьевич

Родился в Липецке.

Первый рассказ написал в ожидании результатов ЕГЭ по русскому языку.

Студент филологического факультета ВГУ.
Публиковался в журнале «Подъём».

Васька петлял среди всяких смутно знакомых домов незнамо сколько лет, пока наконец не вышел на Анечку о двух пакетах наперевес (случайно ли он её нашёл или искал намеренно, о том мы не будем) — Васька пружинно подошёл и протянул свободные руки помощи. По профессии Васька был ребёнком проходных дворов.

Однажды дни его начали как-то глупо качаться. Ррраз — и мы внизу, это утро, школа и прочая муть, от которой надо срочно оттолкнуться ногами... Иии два! Уже вверху, полёт и невероятная свобода. Разгуляться можно было, ух!

У детей проходных дворов своя правда, со стороны не всем понятная. Вот что он сидит, щурится в какое-то очередное из окон? Костюм школьный — домой зайти не удосужился. А на обед и ужин в рационе лишь скидания по двору.

Васька, честно говоря, уже миллиард раз мог подойти. Не надо было искать предлога, не надо было умолять случай отправить Анечку на убой в «Пятёрочку», чтобы вот он, рыцарь с чёрным рюкзаком, материализовался и наконец-таки пригодился. Но так романтики не было, до глупого сморщивания носом и неуважительного поцокивания. Поэтому вот и крутимся, как умеем.

Итак, утром свет, ночью темно, а днём — сторожка у окна Анечки. Васька сидел и, казалось, ничем особенным не занимался. Но вообще-то внутри него каждую минуту выбивал себе путь в люди настоящий подросток.

В сердце был вечный прилив. Что-то каждосекундно норовило захватить всю грудь, ожидание чего-то радующего и наконец любящего неприлично растекалось по рукам и ногам, а майские ветра, иногда во дворы всё-таки да заглядывающие, надували свои странные идеи.

Например, встать и пойти к ней. Он знал квартиру, точное расписание, всё! От секций до необходимой для них одежды. (В музыкалку Анечка ходила в голубом платье, ну просто шик и блеск. В нём она была такая взрослая и удивительная, что Васька, даже в таких обстоятельствах, улыбался ну уж слишком глупо.) Поэтому если и вставать, то гулять по дворам.

Мерещатся одинаковые, но каждый таил и теплил, в каждом что-то было для него.

Надпись? «Лёлечка, ты помнишь? 20.06.20..» Васька выстаивал у этой надписи часами. Романтика ужасно цепляет романтика: что же это за Лёлечка? А лет ей сколько? И как у неё, так сказать, дела на фронте навеки любящих сердец? Красивая история!

А может, это человек. Бабка, например. Сидит каждый вечер и, эдакий робот, бросает и бросает свой хлеб ненасытным голубям. Голуби противные, а бабушка милая. И не жалко ей времени?

Они захватывали его жизнь не смыкаясь, а как раз-таки широко зевая своими стенами буквой Г, подстёршившиеся горками, качелями, клумбами в шинах, вечными машинами у тротуара, визгами детей, запахом бензина, шершавостью скамеек и высоченными крышами то ли серых, то ли вообще есть ли такой цвет домов, и зёв этот был заразителен, зевал и Васька, и пространство вбирало его в себя, и дни его становились всё длиннее, но при этом и наполненнее, и это чувство вдоха новой жизни, так ещё и лето, лето скоро, и все будут любить! Ну никаких сил терпеть не было!

Однажды он увидел птицу знакомого уже полёта. Васька шёл нараспашку, белил своей рубашкой честной народ, а навстречу в чернущем пиджаке двойник. Он его признал сразу, взгляд не удержал и оттого глянул

с прямой ухмылкой. Двойник наверняка не понял, хотя взглянуться вроде взгляделся. Шёл, прищуриваясь, дышал, вздыхая, на телефон смотрел, высчитывая. Он тут, дескать, так, что он ничего, мимоездом. Но от нас не утаишь! Ребёнок прошёл мимо, а он, брат ему, потряс вслед кулаком — не теряйся, дружище! Смелому дорога везде!

Нет, это не слежка. И да, ему совсем никак по-другому с чувствами своими не совладать. Откуда-то ему всё время нашёптывало, что вот, мол! День придёт! Тучи сгустятся, хулиганы нападут! И тут! Эх. Глупости всё это. Почему нельзя быть рядом без каких-либо подвигов, а, Васька?

А ему казалось, что так он не нужен. На качелях вверх и вниз, по двою туда-сюда, в жизни и так и сяк. Вот и любовь — ни нашим, ни вашим. Будто бы и ухватиться не за что, и схватиться не с кем за любимую даму, и даже по двору (вот уж где-где) вместе никак не пройтись, не таясь по этим прекрасным местам, где солнце навек и жизнь навсегда!

Так хочется...

Всего!

Но что ж, разве теперь грустить? Нечего. Ведь Анечка любила Ваську.

Просто любила так, чтобы было интересно. Поэтому и платье надевала всегда голубое. Такую глупую улыбку хотелось видеть почше. И когда-нибудь так же глупо улыбнуться в ответ. Благо, погода пока всё позволяет.

АНАСТАСИЯ

Сафонова Софья Владимировна

Родилась в Липецке.

Студентка факультета романо-германской филологии ВГУ.

Пишет прозу, стихи.

Участница Воронежского областного совещания молодых литераторов (2022).

Публиковалась в журнале «Подъём», альманахе «День поэзии ВГУ».

– Почему лето ничем не пахнет?

Ты подняла на меня свои большие голубые глаза и замерла в ожидании ответа. Да, ты думаешь, что я знаю всё, но это совсем не так. Ты как ребёнок, который должен обязательно получить ответы на все свои «почему». Я бы хотел сказать, что для меня лето – это запах твоих духов. Хлопхлоп чёрными ресницами. Пожал плечами. Ты продолжила несколько возмущённо:

– Ты не понимаешь! В начале сентября, например, в воздухе уже чувствуется осень. И в этом виноват не только запах листвы. У осени есть свой, особенный аромат. И у зимы тоже. Она пахнет морозом. Весна пахнет теплом. А ещё тающим снегом. А лето?

Взгляд становился всё более испытующим, пришлось отвести глаза. Я не привык, когда ты так смотришь. Ты задаёшь подобные вопросы столько, сколько я тебя знаю. А знаю я тебя уже давно. И знаю всех тех, кто не видел и никогда не увидит эту твою сторону. Моя милая, моя солнечная. Анастасия.

Ты идёшь рядом, не произнося ни слова. Задумчиво смотришь в небо. Стук каблуков. Вместо привычных мне брюк и курток на тебе теперь пальто, длинная юбка и ненавистный раньше шарф. Но, кажется, тебя это совсем не смущает. Ты изменилась с прошлого лета. Я почти не узнаю твоих жестов и движений. Может, ты наконец повзросла. Помнить тебя совсем малышкой, поправлять тебе пшеничные волосы, отправляя на очередное свидание, быть твоим лучшим другом. Наверное, это всё, что я мог для тебя сделать.

Ты повзросла. Равнодушно проходишь мимо покрытых льдом луж, натягиваешь на подбородок шарф, поправляешь перчатки. Но всё так же молчишь, как и в каждое наше лето. В этом году я не смог приехать. Наверное, ты жутко расстроилась, что мы не провели твой день рождения вместе. Сейчас уже ноябрь. День пасмурный и невзрачный. А ты будто сливаешься с этим днём. На душе отчего-то становится тоскливо и тревожно. Чувство, будто я тебя в чём-то подвёл.

– Знаешь, наверное, у лета нет своего запаха. Оно прикрывается за другими: за ароматом цветов, свежих фруктов и ягод, за запахом леса и асфальта после дождя, за влажностью в воздухе перед грозой.

Иногда я думаю, что философ – это призвание.

Прогулка для такой погоды кажется не слишком подходящим занятием. Я предлагаю пойти в кафе неподалёку. Ты отказываешься.

– Если ты не смог погулять со мной летом, гуляй сейчас.

В этот раз я предпочёл отпуск в компании коллег с работы. Понял вдруг, что пора отпустить тебя из своей головы?

Мы знаем друг друга уже 15 лет. Ты только пошла в школу, когда я получил аттестат об окончании девятнадцати классов. Я стал твоим защитником от «хулиганов». Наши семьи до сих пор дружат, а твои родители называют меня «зятёком». У нас чересчур большая разница в возрасте, чтобы ты могла чувствовать себя свободной. А мне уже давно пора завести свою семью.

Я пришёл на твой выпускной с большим букетом цветов. Все одноклассницы завидовали. В тот день я первый и последний раз сказал, что люблю тебя. Ты обняла меня за шею и произнесла то же самое, но вложила в эти слова совсем другой смысл. Ты была такой красивой: платье, прическа, алые губы, которые хотелось целовать до рассвета.

– Знаешь, я через неделю выхожу замуж. Может, задержишься ещё ненадолго?

Знаешь, я больше не испытываю ревности. Может, в какой-то степени я даже рад. Ну и погодку ты себе выбрала для торжества. К чему такая спешка? Мы разговариваем совсем как раньше, но внутренне всё по-другому. Для меня лето – пыль большого города. Лето – жар асфальта и кондиционер в машине. Конечно же, я останусь.

Приду с таким же букетом алых роз, которые уже дарил тебе. Только на твоих губах уже не алая помада. А я уже не буду думать о том, как выбрать момент для поцелуя. На душе легко. В руках помимо цветов коробочка – с подарком для тебя. Небольшая связка роз для твоей мамы. Кажется, меня она рада видеть даже больше, чем твоего возлюбленного. Он с ревностью озирается. Делает вид, что эти злобные взгляды направлены не в мою сторону.

Ты не похожа на обычных невест. Твои глаза слишком спокойные, – жесты лишены волнения.

– Гришенка, а ты крёстным-то будешь? Настя тебе уже сказала?

Твоя мама чересчур... напористая. Я буду плохим крёстным, продолжаю вечно. Лучше будет найти кого-нибудь местного. Церемония. Ты целуешься с неохотой после каждого поздравления. Моя очередь. Говорю что-то красивое, совсем как ты любишь, где-то стихами. Отдаю коробочку с подарком и алый букет, ты улыбаешься и целуешь меня в щёку. Шепчу тебе на ухо:

– Для меня лето имеет запах твоих любимых духов.

Ты резко отстраняешься. Я навсегда уезжаю из этого города. Больше здесь ничего не осталось. Даже родительский дом я выставил на продажу.

Через пару лет, навещая друзей, встречу тебя с коляской. Ты больше не похожа на прежнее солнце. Серая-серая, как этот ноябрь. С мужем ссоры, тебя раздражают капризные дети.

– А я ждала тебя тем летом, хотела сказать, что люблю. А ты не приехал. Теперь вот...

Ты улыбаешься. А у меня внутри ничего. Только равнодушие. Долго разговаривать незачем, развернулся и ушёл, оставляя тебя с твоим настоящим. Страшно, что ты снова понравилась мне.

Летом у меня родилась дочь, и я назвал её Анастасией.

ГОРОД, КОТОРЫЙ ПАХНЕТ ЯБЛОКАМИ

Сирота Екатерина Александровна

Родилась в 1979 году в Воронеже. В юности увлекалась прозой, публиковалась в журнале «Молодой Воронеж».

Кандидат физико-математических наук, доцент кафедры цифровых технологий ФКН.

В 1996 году поступила на факультет прикладной математики и механики Воронежского госуниверситета.

Защищила кандидатскую диссертацию

и осталась преподавать высшую математику в ВГУ.

В 2018–2019 году вошла в шорт-листы литературных конкурсов «Во славу Бориса и Глеба» (фестиваль русской словесности и культуры), «Хрустальный родник».

Публиковалась в журналах «Молоко», «Literra».

В 2020 году в издательстве «Эксмо» вышла книга прозы Екатерины Сирота «Взросление». Лауреат 6-го Международного литературного конкурса на соискание премии им. Александра Куприна (2020; 1-е место в номинации «За лучшее произведение для детей»).

Финалист семинара «Мы выросли в России»

(2022; получена стипендия на издание книги).

В 2022 году вошла в шорт-лист премии Александра Левитова.

Курская область, город Обоянь, улица Дзержинского, дом 73... Это адрес моего детства и моего лета. Воронеж в начале июня – солнцем раскаленный, асфальт кружевом тополиного пуха укрыт... Каждый год в начале лета прощалась с ним по дороге в Курск. Горшечное, Тим – так начиналась моя дорога в Обоянь – маленький город, который пахнет яблоками. Так говорила мама, когда отвозила меня на всё лето к своим родителям. От Курска около часа езды в южном направлении в сторону Белгорода.

– Когда въезжаешь сюда, то пахнет яблоками, правда? – мама каждый раз спрашивала...

– Я не знаю... Мама, но ведь сейчас июнь, а яблоки только в августе?

– Нет-нет! Пахнет... Уже весной, я помню ещё в школе, когда бежали домой через овраг после уроков... Сладковатый такой запах.

Я не понимала тогда... Только в конце августа, когда выбегала рано утром за ворота, чтобы проверить почтовый ящик, вдыхала осени первые шаги несмелые и запах яблок. Яблони по всей улице росли, мы часто с соседскими детьми их собирали, а в каждом дворе росли свои. Днём взрослые варили варенье из яблок и слив – так для меня всегда пахло концом лета.

Дом бабушки и деда на четырёх хозяев был старый, подвал с кирпичной арочной кладкой – в этом доме когда-то жил помещик. Бабушка рассказывала, что им очень повезло, в своё время с жильём помогли её родители. (Бабушка с дедом долго жили в съёмных комнатах.) Только деда родители бабушки так и не приняли до конца дней своих.

– Почему, бабушка?

– Понимаешь, он попал в плен в сорок первом году, его контузило. А после войны семь лет сидел в лагере для политзаключённых, мои родители не хотели с ним общаться, ты знаешь эту историю.

Лицо бабушки напряжённым становилась, как будто у неё внутри камень повесили, и она внутрь смотрит и хочет его снять. Я знала это её состояние и боялась его. Только чувствовала, что дальше не надо... не надо спрашивать! А у деда и подавно. Бабушка тоже воевала, только не рассказывала никогда.

* * *

Мамин брат появился во время войны, и у него был другой отец, а отчество – дедушкино. Я обожала своего дядю. Летом он приезжал на пару недель в Обоянь. Узнавала его издалека по походке – он сильно хромал. В детстве переболел полиомиелитом, а прививку тогда не делали.

Мы втроём – с ним и с дедом – ездили на рыбалку на разбитом «Запорожце», проезжали каждый раз старую церковь. Дед рассказывал, что это Смоленский храм. В 1825 году Смоленский храм принимал на ночь гроб с телом умершего императора Александра I – из Таганрога в Петербург через Обоянь направлялось траурное шествие с прахом монарха.

Дед был учителем истории.

Когда вернулся из лагеря, долго не мог устроиться на работу. Взяли в школу дворником... А бабушка в той же школе преподавала физику. Через несколько лет и деда повысили до учителя труда, а потом уже и истории. Эта церковь почему-то часто снилась мне потом... Из старой кирпичной кладки стала бело-голубой, золотыми куполами в небо стре-

мится. А мы вновь и вновь проезжаем мимо, и забор вокруг церкви высокий, металлическая оградка и голос дяди:

– Эх, Катерина, не занимается тобой мать! Даже «Отче наш» не знаешь!

Дед всегда одёргивал его, не любил такие разговоры. А потом приезжали на Псёл, дед доставал удочки и рвал мне молодой камыш, очищал, и я жевала стебли. Они были сладкие, пахли летней рекой, тёплой и спокойной. Дядька и дед сидели до темноты, а я плавала; вместо надувного круга – шина от «Запорожца». Псёл ласковый, на нашем берегу росли тополя. Бабушка говорила, что сажали их сразу после войны. Громадные, в небо тянутся, а Псёл в бесконечность дней их за собой зовёт. Такой тишины, как там, на речке, я не слышала больше никогда.

– Знаешь, Катерина, Обоянь волшебное место... – дядька начинал складывать удочки, когда собирались домой.

– Это почему ешё? – каждый раз спрашивала я, хотя разговор повторялся из года в год.

– Потому что люди сначала отсюда рвутся, уезжают, вот, например, как твоя мама в Воронеж, а потом сюда возвращаются. И не могут не вернуться, понимаешь?

Я не понимала... Дед заводил машину, а Псёл уже ночь укрывала звёздами. Дома ждала бабушка, и дед торопился. Потом дядька уезжал, мы втроём провожали его на вокзал, ехали на нашем «Запорожце». На обратном пути дедушка высаживал нас у библиотеки (она одна на весь город была), а сам ехал на рынок.

* * *

Бабушка подтянутая, строгое платье с поясом из этой же ткани, короткая стрижка... Мы всегда брали журнал «Новый мир», и бабушка рассказывала про Солженицына. Когда поступала в вуз, я даже сочинение по нему писала.

– Знаешь, Катя, я же училась в той же школе, что и твоя мама, а дорога как раз мимо этой библиотеки проходила...

– А как же дорога через овраг?

– Это только в тёплое время года. Моя мама, твоя прабабушка, ходила на родительские собрания этой же дорогой... Знаешь, я очень её стеснялась. Так стыдно, когда вспоминаю...

– Почему, бабушка? Почему стеснялась?

– Потому что на собрания она всегда наряжалась и надевала шляпку, а все мамы были в платочках... Но она была невероятно красивая, я не в неё пошла, – бабушка смеялась.

Мы шли домой через тот самый овраг, в нём летние травы дышали и от лёгкого ветра волновались. Дома уже ждал дедушка, он привозил с рынка арбуз и пломбир. Дедушка всегда ел арбуз с бородинским хлебом, а потом показывал мне, что можно натирать хлеб чесноком и поливать его подсолнечным маслом, и сверху солью посыпать. Это было самое вкусное, однажды я вынесла несколько таких кусков соседским ребятам. Бабушка почему-то страшно расстроилась и сказала, что лучше бы я вынесла им пирог с яблоками. А ещё она никогда не выбрасывала остатки хлеба...

* * *

В конце августа я начинала страшно скучать по дому и Воронежу. Трава во дворе желтела и утром иногда было пасмурно, словно осень на часок заглянула во двор. Пела горлица, и почему-то становилось невыносимо тоскливо, словно песня её время останавливалась, и мне казалось, что я в этой минуте навсегда останусь, и Воронеж будет бурлить сам по себе и без меня, а Обоянь, напротив, всех нас поглотит своим безвремнем.

Я уезжала и каждое лето возвращалась вновь и вновь.

* * *

Дедушка ушёл, когда я учились в университете, ушёл в однечасье... В его вещах нашли крестик. Мы не знали, что он был крещёный... И тогда бабушка стала просить дядьку:

- Володя, надо крестить меня!
- Мама, не узнаю тебя...
- Я вместе с Колей хочу там быть...

Николаем звали деда. Разговоры повторялись, и бабушку вскоре крестили в той самой Смоленской церкви. Бабушка ушла на 97-м году жизни.

Дом в Обояни продали, а в придачу к нему и лето, запах яблочного варенья в августе, тёплый и спокойный Псёл, вкус молодых камышей и ночи, звёздами укутанные.

Мне часто снится город, который пахнет яблоками, только во сне я никак не могу вспомнить тот адрес, куда же надо вернуться...

ПИСЬМО К СОСЕДУ

Тулупов Владимир Васильевич

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой связей с общественностью,
рекламы и дизайна, декан факультета журналистики ВГУ.
Главный редактор научно-практического альманаха «Акценты.
Новое в массовой коммуникации» и научного журнала
«Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика».
Член Союза журналистов России.
Член Союза писателей России.

Виктор Васильевич Радаев проснулся раньше обычного — какая-то неясная тревога подняла его. Да-да-да — это всё от навязчивого сна: почти как у старика Хворобьева — с повторяющимся мотивом. Будто снова задержался в чужом городе, куда-то подевались билеты, вещи, и буквально всё против его возвращения домой: то стремительно приближающаяся волна — вот-вот накроет с головой, то лабиринты огромного здания, из которого никак не выбраться... А главное — чувство вины. Просто какой-то морок! И тут вспомнился (как-никак дипломированный филолог) великий немец, написавший целый роман и тем спасшийся от суицида. Конечно, Виктор Васильевич далеко не юный Вертер, тем более не Гёте, и потому ограничился записанным наспех стихотворением:

«Снится мне, что всё теряю,
снится, что не успеваю...
И пред мамой виноват.
Снится: сам себя ругаю
и, потупившись, вздыхаю,
но опять не успеваю...
Сам себе совсем не рад.
Вдруг проснулся — и сияю:
это сон! Теперь-то знаю.
Но пред мамой виноват...»
А вдруг поможет?...»

Из приоткрытого позади кровати окна сквозило, надо бы закрыть: ведь и сам взмок, и на подушку с одеялом — как роса пала... В общем, пора подниматься. Но сначала — «Крокодил», комплекс упражнений, без которых уже несколько лет Виктор Васильевич не начинает дня. Да, старый автомобиль требует профилактики и разогрева. Приходится « заводить » организм, чтобы колени, шейные позвонки, а прежде всего поясница хотя бы в течение дня не подводили... Недавно, проходя МРТ закрытого типа, он, чтобы отвлечься — нет, не от страха, но от неприятного ощущения замкнутого пространства в узкой трубе, — по привычке стал про себя сочинять — вышло что-то вроде «медицинских страданий»: «*Ортопедический матрас, ему подобная подушка, ах, как я поздно встретил вас — скелета друга и подружку...*»

Спустив ноги на пол, Виктор Васильевич достал с книжной полки коробок, высыпал из него спички, и по одной — нагибаясь и разгибаясь — собрал их все обратно (об этом нехитром, но полезном упражнении он узнал из рассказа знаменитого артиста Пуговкина, сохранявшего «бодрость духа и грацию» до самых последних дней жизни). Ну и, наконец, недавнее приобретение — велотренажёр, который можно крутить под «Новости» телеканалов — не так скучно, и засечённое время видно.

Перед ванной Виктор Васильевич набрал воды в чайник со свистком (недавно купил в «Порядке», а то, бывало, зачитается, и вся вода выкипит...), поставил его на электроплиту. Бритьё всегда доставляло ему удовольствие — нанесёшь на подбородок пены «Нивея», и точными движениями, как профессиональный цирюльник, проводишь бритвой вверх и вниз, а потом, после умывания, освежаешь себя туалетной водой «Хugo босс», которую коллеги регулярно дарят в день рождения. Два бутерброда, чай с долькой лимона — вот и весь завтрак пожилого журналиста, собирающегося на службу.

До Дома печати три остановки на троллейбусе, но Виктор Васильевич старается добираться до работы пешком: какая-никакая тренировка, да и с мыслями можно собраться. Он вообще любит приходить раньше всех, поздороваться с вахтёром, обменявшись репликами типа «Обещают жару, но у вас здесь прохладно...» — «Да всё равно душно...» — «А вы дверь не закрывайте, кирпичик вставьте» — «Мы так и делаем, как только начинает припекать». Открыв окно, запустив компьютер и включив кулер,

хозяин кабинета начинает колдовать с кофе — одну чашечку (но каждый день!) он себе позволяет. Да что там позволяет — организм уже требует: ну-ка налейте мне чёрненького, горяченького, а то не заведусь!

Вдруг ему на глаза попадается конверт, заложенный между папками, которыми загружен рабочий стол, так, чтобы его хозяин не мог его не заметить. Видимо, кто-то вчера вечером его принёс уже после ухода Виктора Васильевича со службы — кабинет-то был открыт, оставался работать его молодой коллега Георгий Дубинец. Да-да, тот самый студент Жора, который, кажется, ещё вчера проходил студенческую практику в «радаевском штабе» — так в редакции уважительно называли отдел социальных проблем, возглавляемый Виктором Васильевичем. Тот самый Жора, который вроде бы не так давно стоял рядом, старательно кивал, соглашаясь с редакторской правкой Вэвэ, а затем послушно отправлялся переделывать заметку... Неужели прошло десять лет, и уже за его плечами университет, позади подёнщина в интернет-изданиях, возникавших, как грибы после дождя, и бесследно исчезавших самое большое после двух-трёх лет функционирования в «лихие девяностые»?

В штат «Вечернего курьера» Георгия Дубинца приняли в том числе по рекомендации Виктора Васильевича, хотя кое-кто из журналистов, прознавших про неуживчивость молодого дарования, активно не советовал главреду торопиться. Радаев тоже что-то слышал о непростом характере бывшего практиканта, перебравшего редакции чуть ли не всех направлений — от «православных» до «прозападных». Ну так что же, убеждал он коллег, человек искал себя, пробовал, взросел... В общем, теперь они сидели в одном кабинете и как будто заново знакомились.

Он вскрыл конверт, достал листок, на котором был напечатан текст, начинавшийся с обращения «Дорогой сосед!». Пробежав глазами первые абзацы, Виктор Васильевич лихорадочно стал их перечитывать, медленно осознавая, что это письмо от Жоры, который действительно не так давно стал его соседом по кабинету: «Знаю: ты безмерно удивишься, получив от меня это послание (не посчитай такое обращение за грубость, но ведь ты сам предложил не «выкат» — мол, так у газетчиков не принято). Итак, шесть месяцев прошло с тех пор, как мы делим с тобой редакционную комнату на третьем этаже нашего Дома печали, полгода я умилённо внимаю твоим монологам. И как не внимать легенде региональной журналистики: ты видел если не Ленина, то Сталина точно (впрочем, в гробу). Я не сильно удивлюсь, если узнаю, что ты летал с Гагариным (страхующим), ходил с Хейердалом (юнгой), держал на мушке бен Ладена (пусть и на мониторе). Я же — человек неприметный, даже Ельцина толком не разглядел (впрочем, особо и не разглядывал)».

Виктор Васильевич сел в кресло, переводя дыхание: чего это он надумал? Письмо какое-то... Зачем, для чего? Мы же каждый день видимся... И тон какой-то разухабистый... А, вот ниже — о причине: «Ты — прирождённый оратор, организатор и пропагандист. Я же — обычный бумагомаратель. Поэтому, не имея возможности вставить и междометия в твой непревзойдённый монолог, я решил изъясниться эпистолярно.

Итак: солнце светило над Большой дворянской и ничто не предвещало бури, как ты вскинулся со своего кресла, скакнул ко мне и... (уверен, во всех боеприпасах Курской дуги содержалось меньше тротила и децибелов, чем в твоей праведной ярости):

— Невероятно! Просто невероятно! Ты читал?! Ты! Это! Читал?! Социологи! Провели! Опрос! (Будто социологи проводят шествия или митинги — подумал я невежливо.) И! Восемь процентов! Ты представляешь?! Только! Восемь! Процентов! В стране! Доверяют! Журналистам! Боже, до чего мы докатились! О темпора, о морес! Доколе! Однако! Ну и ну!

Никаких талантов не хватит воспроизвести адекватно твой громогипящий сарднический монолог — его надо было слышать. Тем не менее я верю: ты хотел бы знать и моё мнение на сей счет, но не успел, перекипел, устал и сник, ушёл в буфет в печали.

Да, припомнил Виктор Васильевич, я действительно возбудился и почти бросился к нему, взвывая к согласию и искренне думая, что он — теперь собрат — тоже переживает о судьбе нашей профессии. Радаев дрожащими руками теребил листок, лихорадочно переворачивая его, словно ища в письме опровержение написанному выше, но нет... «Дорогой сосед! Что такое эти восемь процентов? Так ли они безнадёжно малы? Лично я уверен в обратном. Вспомни, какой процент доверия журналистам наблюдался в годы твоего журналистского расцвета? Не восемь — минус восемь. А вернее — минус все сто. Мнимые единицы царствовали в прекрасную пору самого развитого из социализмов.

Разве, читая передовицу в газете «Правда» или в своём родном «Светлом пути» о непреклонном росте народного благосостояния, ты не понимал всё с точностью до наоборот? Не ухмылялся втуне пассажам о «закромах родины» и «битвах за урожай»? Разве не листал ты (и остальные обитатели одной шестой части суши) газеты, начиная с последней, юмористической, страницы, ею же и заканчивая? Разве не милее было тебе строчить очерки о тайге и её косолапых обитателях, которых не только социологи, но и зоологи за людей-то не считают? Так что восемь процентов (а с погрешностью и все десять) — это достойно! Согласись, и покончим с цифрами».

«Неужели он прав? Неужели все они так думают о нас? И неужели те времена, когда всё только начиналось, вспоминаются нам светлыми и радостными лишь потому, что мы были молоды, веселы и глупы? Да, мы всё время смеялись, иронизировали, подтрунивали друг над другом. А ведь работа была не сказать, чтобы лёгкой». Виктор Васильевич много лет отдал секретариату, а выпуск — кто понимает — это серьёзно. Тот же генсек любил выступать с многочасовыми речами, и нередко газету приходилось подписывать в свет глубокой ночью, а то и утром. Соседи ждали от «СП» шпек, чтобы поставить его в шаблон со своей титульной частью, колонтитулами и выходными сведениями, и только после того, как дежурный давал отмашку «В печать!», издательская машина развозила всех журналистов и выпускающих по домам...

Ему вдруг страшно захотелось курить, хотя он давно уже отказался от этой вредной привычки. Кстати, смешно с этим получилось. Когда началась антитабачная кампания, главред созвал всех творческих работников и объявил: «С понедельника курить в кабинетах запрещается — только в курилке. И только два-три раза за рабочий день. Нарушителей будем штрафовать. А ответственным за эту кампанию назначаю Радаева». Честно говоря, Виктор Васильевич и сам давно хотел завязывать — утром не откашляешься, и главное, курильщиков стали гонять: куда не придёшь, везде запреты — в снег, в дождь иди дымить на улицу... Он даже договорился с секретаршей — заядлой курильщицей, что по его приезде из командировки они пойдут на приём к её знакомому врачу, который так закодирует, что сам будешь обходить табачные киоски стороной. И Виктор Васильевич честно промучился целых два дня, не взяв в рот ни одной сигареты, но когда уже подъезжал к дому, зазвонил сотовый: секретарша извинялась, что не сдержалась и закурила, так что пусть Радаев идёт на приём один, врач уже предупреждён. Виктор Васильевич подумал-подумал и махнул рукой: никуда он не пойдёт, не умер же за два дня — терпеть можно. И вот результат — некурящий да ещё и непьющий ветеран журналистики! Последнее даже вызывает кое у кого подозрения, но Виктор Васильевич научился отшучиваться, мол, свою цистерну он уже выпил.

Строки Дубинца не то чтобы задели, — журналисту Радаеву не раз приходилось отвечать на вопрос: «Разве можно было в ваше подцензурное время выпускать интересную газету?», — но заставили в который раз

об этом задуматься ещё и потому, что оскорблял и стиль письма, и упрёки в конформизме. Но ведь их «Светлый путь», переживший почти за сто лет своей истории разные, в том числе трагические времена, был реально любим иуважаем читателями: двести тысяч тиража – это вам не фунт изюма, как и сотни писем, приносимые ежедневно почтальонами в мешках. Конечно, скажут, тогда не было интернета, а значит, и конкуренции — в областном центре было всего три большеформатных издания — партийная, комсомольская и вечерняя газеты, плюс редакции областного телевидения и радио, а потому в них, естественно, собирались лучшие работники пера и микрофона. Но времена, как сказал поэт, не выбирают, в них живут и умирают: сегодня одни трудности, вчера были другие, а тот факт, что уровень професионализма в журналистике резко снизился, оспорить трудно.

И ещё, думал Виктор Васильевич, как бы это пафосно ни звучало, но и он сам, и все, кто мечтал связать свою судьбу с работой корреспондента, рассматривали свою миссию как общественную. «Служить народу!» — эти высокопарные слова не произносились, но однозначно подразумевались. Да, первые страницы «СП» отдавались под пропагандистские публикации, но даже их журналисты старались сделать читательными. Помнится, на одной из планёрок именно он предложил отказаться от директивных передовиц — пусть номер открывают проблемные публикации. И ведь получилось! От каждого отдела во вторниковский номер стали поступать публикации, как сказали бы теоретики, из разряда авторской публицистики.

Он продолжил читать послание: «Обратимся к фактам. Тем паче что ты вернулся посвежевшим, забыв слизнуть с губы каплю обеденного кефира.

В развитие печального тезиса о всеобщем падении журналистских нравов ты молча (о чудо!) шлёшь мне на “мыло” сюжет, вычитанный в блоге одного столичного эскулапа.

После нападения на журналиста Кашина его лечащий врач в течение (sic!) получаса успел пообщаться с двумя жёнами и тремя любовницами пострадавшего. Причём одна из жён оказалась беременной, зато вторая рыдала в голос, убеждая врача, что первая — никакая не жена. При этом и жёны, и любовницы проявляли недюжинную заботу о здоровье своего мужчины, пытаясь вызнать у врача все нанодетали, вплоть до цвета мочи и резус-фактора.

Но доктор был скончан на нано.

И вот почему.

Дело отнюдь не в моральном облике “многожёнца” Кашина, а в том, что все эти женщины (или почти все) оказались репортёрами московских газет и агентств. Причём подобные случаи в практике этого врача и его коллег происходят чуть не ежедневно.

Прождав положенное время, покуда я не ознакомлюсь с голой правдой о своей профессии, ты, дорогой сосед, успел перезарядить орудия — и понеслось:

— Доколе?! Однако! Это не журналистика! Это падение всех и всяческих нравов! Стыдно!

Самой же страшной из твоих инвектив был смертельный диагноз: непрофессионализм.

Отчего же?

Как раз самый что ни на есть професионализм. Всё ведь зависит от точки зрения. От того, что хочет прочесть читатель. А он теперь очень не дурак пощекотать — для лучшего сварения — свои нервишки за чужой счёт. После ужина. Вместо или вместе со стаканом виски.

Какие фаланги каких пальчиков оторвали бандиты Кашину, сколько почек у него осталось, насколько крепок медикаментозный сон? Разве не сильно ударяет?

Только не отвечай мне миномётным гулом, что это журналисты делают своих читателей таковыми монстрами, ибо ещё не доказано, кто, кого, чем и как делает».

Да, он посыпал ему по емейлу образцы жёлтой журналистики, думая, что Жора вместе с ним посмеётся и осудит эти низкопробные писульки. Ещё можно понять тех, кто работает по принципу «Всю жизнь пью и всю жизнь с отвращением...», но здесь-то иное: «Это тебе, воспитанному в благостной эстетике эпохи развитого журнализма с „отдельными недостатками“, стыдно читать про то, что пониже пояса, но повыше колен. А весь цивилизованный мир читает и начитаться не может.

Ты, сосед, утратил иллюзии только теперь, а вот, к примеру, французский классик Бальзак утратил их без малого двести лет назад. О чём честно и признался в своих "Утраченных иллюзиях". В этом романе неприглядство журналистской кухни описано на века.

С тех пор ничего не изменилось. Всё те же обман, воровство, подлог — верой и правдой служат многим нашим коллегам. Разве ж не знаешь ты, что хорошим тоном у газетчиков (в том числе и у отечественных) считается украсть (или хотя бы скопировать) важный документ со стола невнимательного чиновника? Прикинуться кем-то другим, соврать, спровоцировать, припугнуть...

Я вижу, ты приуныл? Не беда, старина, главное — здоровье. Крепкий сон, утренняя гимнастика, правильное питание. Vale».

Да, подумал Виктор Васильевич, завершив чтение, это уже — позиция, жизненный и профессиональный принцип. И морализаторство здесь не поможет, потому что так думают многие молодые. Об этом он узнал на ток-шоу, куда заслуженного журналиста Радаева пригласили и где аудиторию сразу разделили на тех, кто за «желтуху», а кто против неё. Особенно запомнился паренёк, скромно одетый и аккуратно причёсанный, по пунктам изложивший «плюсы и минусы» явления, к которому ведущий в своём вступительном слове применил довольно резкие оценки — типа «клипизации сознания» и «дебилизации масс»...

— «Желтуха» сильно отвлекает от многих проблем, которых немало на уровне и страны, и каждого человека. Читаешь или смотришь такое, и чувствуешь себя умным и проницательным, если, конечно, журналист не совсем уж заврался. Если тебе рассказывают об ужасах, ты думаешь: слава богу, у меня всё не так плохо. Если показывают светские скандалы, то или злорадствуешь, или просто приходишь к успокаивающему тебя выводу: богатые тоже плачут... А ещё говорят, что через «глянец» организуются специальные утечки информации, чтобы посмотреть, как толпа отреагирует.

Да что там отдельные утечки, подумал тогда Виктор Васильевич, — целые информационные порталы и сайты учреждают, в которых правда, полуправда и неправда перемешиваются, как варево в огромном котле, которым круглосуточно потчуют простодушное население.

Он ещё раз перевернул листочек и увидел постскриптум, написанный от руки: «Процай же, бывший и совсем не дорогой сосед. Ухожу я из вашего "Вчерашнего вестника" — гламур зовёт! И зелень! А ты пиши про своих медведей».

...И снова он проснулся раньше обычного, и снова от тревожного сна, и снова с чувством вины. Только на этот раз во сне незримо присутствовала не мама, давно ушедшая из жизни, а... Жора Дубинец.

«Чем же я пред ним виноват?» — задавался и задавался этим вопросом пожилой журналист Радаев.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, К. У. ЧЕРНЕНКО...

(Орешки для Генсека)

Роменский Юрий Викторович

Родился в 1961 году.

Военный журналист, офицер-пограничник, подполковник запаса, член Союза журналистов СССР.

Начальник цикла информационного обеспечения кафедры гуманитарной подготовки военного учебного центра при ВГУ.

Лауреат премии «Золотой венец границы» за книгу «По обе стороны границы: Афганистан 1979–1989».

Нет, скучно стало в перестроечные годы в армии служить, пресно. Ни тебе партийных организаций, ни комсомола. Куда подевался махровый бюрократизм? Где бумаготворчество, очковтирательство? Что бы там ни

говорили скептики, в советские времена было куда веселей. Хотя случай, о котором мне как-то рассказал его непосредственный участник, в те, теперь уже исторические, годы смешным вряд ли кто осмелился назвать.

За такой номер впору было партийного билета лишиться, а это означало одно – конец карьере. Но придумщиками политработники были не в пример пришедшими к власти в «лихие девяностые» демократам. Однако обо всём по порядку.

Служивые пенсионного возраста помнят, а молодёжь пусть мотает себе на ус, что один из Генеральных секретарей Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза (почти то же, что сегодня президент России) на заре своей политической карьеры служил в пограничных войсках. И вот на старости лет К. У. Черненко – а это был именно он – решил посетить пограничную заставу, на которой он начинал службу. Уж и не знаю, не то ближайшее окружение надоумило, не то сам партийный вождь молодость решил вспомнить, но головной боли от Москвы до самых до окраин, от генеральских лампасов до звёздочек самого разного калибра он многим прибавил!

Путь до затерявшегося в казахстанских отрогах военного городка оказался неблизким. Правительственный лимузин «Чайка», в просторечии именуемый «членовозом», по горным тропам пройти никак не мог.

Что прикажете делать? Не гужевым же, в самом деле, транспортом везти первое лицо сверхдержавы? Хотя только лошадки и помогали «зелёным фуражкам» нести службу, преодолевать многокилометровые расстояния.

Не придумав ничего лучше, партийные начальники решили показать Константину Устиновичу, как бы это помягче выразиться, немножко другую заставу. Ту, что находилась поближе к благам цивилизации.

Однако крепкой оказалась память у старого коммуниста. Обман он немедленно распознал, но виду не подал. Такие тогда правила игры были.

– А где же кровать, на которой ты спал? – участливо спросила генсека дражайшая супруга, добавляя треволнений и без того обливающуюся то горячим, то холодным потом пограничному начальству.

Но, как оказалось, это были ещё цветочки. Пришла беда откуда не ждали. По существовавшему тогда ритуалу высокий гость должен был посадить на заставе дерево. А какое по чину подобрать члену Политбюро? Ну не карагач же, в самом деле, хотя только он и приживался в здешней суровой местности. И угораздило какому-то умнику из числа местной партноменклатуры предложить свои услуги. Мол, у него, совсем недалеко отсюда, прекрасно произрастают греческие орехи. Должны приняться и тут. На том и порешили, сами не осознавая, какую головную боль накликали на свои грешные атеистические головы.

Посадил Генеральный секретарь дерево, да и убыл восвояси. Пожелал, естественно, пограничникам успехов в боевой и особенно в политической подготовке. Ещё «пустячную» просьбу высказал: по мере того, как дерево станет подрастать, присыпать ему фотографию личного состава рядом с «его» орешником.

Тут-то самое любопытное и началось. Саженец, понятное дело, очень скоро благополучно засох. Через какое-то время из первопрестольной напомнили: пора отправлять фотографию! Что тут прикажешь делать? Начальник политического отдела отряда самолично разъезжал по округе, подбирая дерево, чтобы по размеру в самый раз подходило. Привозил его на заставу, где обалдевающие бойцы сначала вкалывали его в каменистую почву, а затем на его фоне фотографировались. Но им не считали нужным разъяснять, что к чему. Не положено было по чину.

И продолжалось это до тех пор, пока не отошёл Константин Устинович Черненко в мир иной. А вместе с его кончиной отпала и необходимость в последующем обмане. По срокам дерево должно вот-вот начать плодоносить. Значит, нужно было готовить посылку с орешками для Генсека...

ТОЧКА ЗРЕНИЯ
ОПТИЧЕСКАЯ ГРУППА
СПОСОБНОСТЬ ВИДЕТЬ БОЛЬШЕ

СТУДЕНТ

БУДЬ В НАШЕЙ КОМАНДЕ

УДОБНЫЙ
ГРАФИК РАБОТЫ
ДЛЯ СТУДЕНТОВ
ОТ 4-Х ЧАСОВ

КАРЬЕРНЫЙ
РОСТ

ВЫСОКИЙ
УРОВЕНЬ
ЗАРПЛАТЫ

ЗНАНИЕ И ОПЫТ
ЗАРУБЕЖНЫХ
ПАРТНЕРОВ

На правах рекламы

Адрес редакции и издателя:
394018, Воронеж, ул. Фридриха
Энгельса, д. 8, к. 9.
Тел.: 222-60-59
E-mail: press@main.vsu.ru

Номер подписан в печать:
по графику 20.07.2023 в 15:00,
фактически 20.07.2023 в 15:00.
Заказ 449
Тираж 900

Отпечатано в типографии
Издательского дома ВГУ.
Адрес: 394018, Воронеж,
пл. Ленина, д. 10, к. 70.

